

А. В. Малинов, И. Ю. Пешперова

ВОПРОС О ВОЗНИКНОВЕНИИ СОЦИОЛОГИИ В КУРСЕ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО «НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ» (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА)¹

Статья написана на основе рукописи академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) «Научные основы социологии в их историческом развитии», хранящейся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. А. С. Лаппо-Данилевский был одним из крупнейших теоретиков исторической науки, специалистом по гносеологии истории, при этом занятия по философии истории он сочетал с преподаванием социологии. Лекции А. С. Лаппо-Данилевского по социологии содержат обширный историко-социологический и историко-философский материал. Рассматривая происхождение социологии, ученый подробно останавливается на философии Нового времени (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Д. Юм) и философии французского просвещения (Монтескье, Кондорсе, Тюрго). Предыстория социологии в курсе А. С. Лаппо-Данилевского сводится к истории философских учений, которые впоследствии были восприняты позитивизмом. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: А. С. Лаппо-Данилевский, история философии, социология, рационализм, эмпиризм, Просвещение, прогресс, наука.

A. V. Malinov, I. Yu. Peshperova

THE ORIGIN OF SOCIOLOGY IN THE COURSE OF A. S. LAPPO-DANILEVSKY «SCIENTIFIC BASES OF SOCIOLOGY IN THEIR HISTORICAL DEVELOPMENT» (BASED ON THE ARCHIVE)

The article is based on a manuscript by Alexander Sergeyevich Lappo-Danilevsky (1863–1919) «Scientific basis of Sociology in its historical development», stored in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Lappo-Danilevsky was one of the leading theoreticians of history, a specialist in historical epistemology. At the same time, Lappo-Danilevsky combined lessons on the philosophy of history with the teaching of sociology. Lectures on sociology scholar contain extensive historical, sociological and philosophical material. Considering the origins of sociology, Lappo-Danilevsky dwelt on modern philosophy (Bacon, Descartes, Hume) and the philosophy of the French Enlightenment (Montesquieu, Kondorse, Turgot). Background sociology, according to Lappo-Danilevsky, could be reduced to the history of philosophical doctrines, which was subsequently accepted by positivism. Refs 9.

Keywords: Lappo-Danilevsky, history of philosophy, sociology, rationalism, empiricism, the Enlightenment, progress, science.

В фонде академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (фонд 113) хранится рукопись курса «Научные

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; a.v.malinov@gmail.com

Пешперова Изольда Юрьевна — кандидат юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43; iseutp@gmail.com

Malinov Alexey V. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.v.malinov@gmail.com

Peshperova Izolda Yu. — Candidate of Law, Professor, North-West Institute of Management — branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg), 57/43, Sredniy pr. V.O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation; iseutp@gmail.com

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (13-03-00301).

основы социологии в их историческом развитии», который ученый читал осенью 1911 г. в Санкт-Петербургском обществе народных университетов. Сохранившиеся записи представляют собой наброски, конспекты, выписки, т. е. различные материалы к лекциям, а не сами лекции. Они практически лишены авторской интонации и повествовательной целостности; часто это лишь опорные факты, идеи, неравноценные фрагменты. Тем не менее они позволяют восстановить основное содержание и структуру курса и воссоздать некоторые его части.

Обращение А. С. Лаппо-Данилевского к социологии нельзя назвать случайным. Он принадлежал к тем русским историкам, которые тяготели к разработке теоретических и философских вопросов исторической науки. И хотя Лаппо-Данилевский был автором ценных исследований по русской истории XVII–XVIII вв., наиболее известной и востребованной оказалась его «Методология истории» [1]. В то же время Лаппо-Данилевский много сделал для становления социологии в России. По словам В. В. Козловского, «А. С. Лаппо-Данилевский объединяет в себе творческие интуиции историка, социального философа, социолога» [2, с. 7]. Он не только читал курсы по социологии, но и стремился институционализировать новую научную дисциплину [3, с. 198; 4], был первым председателем Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского [5] и выступил с инициативой организации Института социальных наук в Петрограде [6].

Исследуя в своем курсе социологию в ее «историческом развитии», Лаппо-Данилевский касался различных теорий и учений, сформулированных социальными мыслителями. В лекционном курсе был предусмотрен и раздел «Возникновение социологии», подзаголовок к которому гласил: «Теоретический момент». Раздел состоял из трех частей: «Французское просвещение», «Философия. Декарт, Бэкон и Юм» и «Научная философия XVIII в. и начала XIX в.». В качестве предыстории социологии Лаппо-Данилевский рассматривает здесь философские и социальные теории (а не события), предлагает исторический очерк истоков социологии. Следует отметить некоторую зависимость даваемых Лаппо-Данилевским характеристик от О. Конта, оценки которого он часто приводит в кавычках.

В конце жизни Лаппо-Данилевский приступил к переработке своей «Методологии истории», публикуя отдельные главы в качестве статей. В новой редакции книга вышла уже после смерти ученого. Она представляет в большей степени историческое введение в теорию обществознания и значительно отличается от предыдущих изданий 1909 и 1910–1913 гг. Текст посмертного издания «Методологии истории» позволяет дополнить материалы лекционного курса. Это тем более оправдано, что в рукописях курса Лаппо-Данилевского сохранились корректурные листы перерабатываемой редакции «Методологии истории», которые он использовал при подготовке лекций.

Мировоззренческие и теоретические предпосылки возникновения социологии, полагал Лаппо-Данилевский, нужно искать в философских учениях, заложивших основы новоевропейской мысли, прежде всего в концепциях Р. Декарта и Ф. Бэкона, которым в рукописном варианте курса отведено несколько страниц (Л. 28–34). Значение рационалистической философии Лаппо-Данилевский видел в том, что она выяснила «те общие принципы, которые лежат в основе научного знания законов природы, и стремилась подчинить ему изучение индивидуальной и социальной жизни» [7, с. 86–87]. То, что социология как положительная наука об обществе зародилась

во Франции, было подготовлено всем ходом интеллектуального развития Франции начиная с XVII в.

«Социология возникла, — отмечал Лаппо-Данилевский, — под влиянием французского просвещения XVIII-го века: универсальный гений просвещения *Лейбниц* придавал очень большое значение Франции в его развитии: она не замедлила получить умственное превосходство над остальными странами Европы.

В области *философии* Декарт низложил Аристотеля и своим механическим объяснением природы проник “в преддверие истины”; в области математики и физики — *Паскаль* и *Гюйгенс* сделали капитальные открытия, вскоре получившие дальнейшее развитие благодаря учреждению Академии Наук; точность, требуемая “современной” наукой, проникла и в области исторических наук, также всего лучше представленных французскими историками, например *Мабильоном* и *Балюзием*.

Французское просвещение благоприятствовало развитию мысли *об умственном прогрессе*, обуславливавшем и прогрессивное развитие общественной жизни» [8, л. 28].

В краткой, конспективной форме Лаппо-Данилевский излагал основные положения учения Р.Декарта:

«Хотя Декарт еще смешивал *религию с метафизикой* (ср. онтологическое доказательство бытия Божия) и *метафизику с наукой* (познание вещей), он справедливо признается основателем новой философии.

Декарт и картезианская философия вообще.

1) *Авторитет разума*, “культивированию” которого он посвятил всю свою жизнь. *Cogito ergo sum*, полученное в результате *методического сомнения*, возводил разум в беспрекословного судью нашего соб[ственного] существования, разумная очевидность — последнее основание знания.

а) *рационалистическое понимание общества* = социологии.

б) *пренебрежение к истории* — она остается литературой, *style oratoire*.

2) “*Механическое объяснение природы*” (*Лейбниц*). Учение об *автоматизме* животных: благодаря ему проявления животной психики включаются в область позитивного знания.

3) *Психология*: понятие о душе как о *существе мыслящем* в противоположность протяженному веществу. *Психогенезис разума* — тонкое различие между *разумом*, который познает вещи, ничего не утверждая и не отрицая, и *волей*, т.е. “способностью выбора”, она утверждает или отрицает.

“*Tracte des passions*” (1649), т.е. трактат об “эмоциях души”, написан в более *реалистическом* и психологическом духе, чем прежние трактаты подобного рода. Гл[авным] об[разом] о восхищении (*admiration*), любви и ненависти, желании (*désir*), грусти (*tristene*).

Учение о *воле*, которая обуславливает *действия* — концепция, которая потом легла в основу многих социологических учений» [8, л. 28–30].

В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский отмечал механистическое мировоззрение Декарта, дуализм материальной и духовной субстанции, рассматривал социальные взгляды французского мыслителя (по таким вопросам, как роль «примера и привычки» в социальной жизни, вера в умственный прогресс человеческого знания, приводящий к совершенствованию техники и тем самым — к господству че-

ловека над природой, значение законодательства в развитии нравов и учреждений) [7, с. 87–88]. Фундаменталистская эпистемология Декарта давала ответ и на вопрос о возможности свободы воли (см. подробнее: [9]). Однако, заключал Лаппо-Данилевский, «Декарт еще не затронул социологии, Бэкон — подошел к ней».

В XVIII в. на французскую мысль оказывает всё более сильное влияние английская философия. «Научно-позитивное настроение развивалось в XVIII в. под влиянием Бэкона». «Система наук», обосновываемая новоевропейской философией, предполагает, что разум лежит «в основе философии (и будущей социологии?), а философия включает и “учение о человеке”». Поскольку же источником познания является чувственное восприятие, постольку и история ищет опору в чувстве, в качестве которого признается память:

«Бэкон включает в науку о природе и науку о человеке, в виде ее части. Наука о человеке делится на философию человечества и на философию гражданскую. Философия человечества рассматривает человека, взятого в отдельности; философия гражданская — рассматривает человека, живущего в обществе. Философия человечества состоит из науки о человеческом теле и науки о человеческой душе (логика, психология, риторика, мораль). Философия гражданская (ср. учение о *prudentia*) содержит учение о светском образовании (*l'usage du monde*), учение о делах (или о житейской мудрости?) (*science des affaires*), т. е. о том, как вести свои дела в сношениях с другими, и учение об управлении государством (защита от обид).

Бэкон отделяет от вышеуказанных наук — основанную на памяти (а не на разуме) — историю: естественную и гражданскую» [8, л. 31–33].

«Итак, — подводит предварительный итог Лаппо-Данилевский, — 1) Бэкон отделяет социальные науки от исторических, 2) стремится воспользоваться успехами естественных наук для “обновления” социальных теорий и 3) подходит к социологии; но он еще смешивает ее с учением о мудрости житейской (*prudentia*), с искусством “вступать в сношения с другими” и “подвигаться в свете”» [8, л. 34].

Попутно Лаппо-Данилевский предлагает сравнить взгляды Ф. Бэкона и Г. Тарда. В «Методологии истории» ученый указывал на связь «научно-эмпирической точки зрения» Бэкона с «утилитарной оценкой», отмечал близость антропологии и морали в интерпретации Бэкона к «социальным дисциплинам» и использование Бэконом аналитического метода («метод разложения») для выявления «элементарных проявлений» «общезития» (отношения мужа к жене, родителей к детям и т. п.). «Таким образом, — подводил итог Лаппо-Данилевский, — Бэкон не чуждался обобщающей точки зрения в области “естественной истории” и уже подготовлял возможность ее применения и к “гражданской” истории, прогрессивное развитие которой он доказывал, сопоставляя “качества” современной ему культуры с состоянием античной цивилизации» [7, с. 92].

Лаппо-Данилевский прослеживает влияние Ф. Бэкона на Вольтера — прежде всего в работах последнего «Письма об английской нации» (1731) и «Элементы философии Ньютона» (1738), а также на энциклопедистов и О. Конта, «сблизившего Декарта с Бэконом». «Вольтер, — пишет Лаппо-Данилевский, — поклонник философии Локка с ее противокартезианским и полупозитивистским характером» [8, л. 36]. В «Методологии истории» англофильство Вольтера зафиксировано с еще большей определенностью и четкостью. «Мало склонный к метафизике и большой

поклонник Локка и Ньютона, Вольтер пытался освободить человеческий разум от традиционных понятий: он высоко ценил английский эмпиризм и противопоставлял относительное абсолютному и критическую точку зрения — догматической; хорошо знакомый с современным ему естествознанием, он хотел, без предвзятой системы, изучать “природу”, сходную у разных людей, и уже до появления своего “опыта о нравах” склонялся к отрицанию свободы воли» [7, с. 107]. Вольтер подходил к изучению истории с «научно-критической» и «культурно-исторической» точек зрения и даже «стремился дать очерк всеобщей культурной истории человечества», усматривая в ней прогресс «в области разума и нравственности» [7, с. 108].

Следующим шагом на пути к социологии было учение Д. Юма, который, по словам Лаппо-Данилевского, «исправил и дополнил Декарта и Бекона» [7, с. 108]. Лаппо-Данилевский рассматривал отношение Д. Юма к картезианству, опираясь прежде всего на его «Трактат о человеческой природе» (1738–1740). В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский уделил учению Д. Юма чуть больше страницы, в конспективном режиме перечислив основные идеи английского мыслителя [7, с. 123–124]. Значение философии Д. Юма русский ученый видел в том, что он:

«1. Подорвал религиозно-метафизичес[еские] основы картезианства.

Учение об относительности познания, всего более пригодное для научной философии. Истина состоит лишь в том, что восприятия правильно относятся нами одно к другому.

2. Расширил область эмпирич[еских] исследований и на чело[веческую] душу, что еще не входило в задачи картезианства.

Приложение “эмпирического метода к области душевных явлений” (подзаглавие *A treatise: being an attempt to introduce the experimental method of reasoning into moral subjects*), обуславливающего и научное построение социологии.

3. С теоретической точки зрения касался социологических проблем, что еще не было сделано Беконем, например:

а) в учении об определении своего “я” лишь в его отношении к “чужим я”,

б) в учении о происхождении общества из полового влечения, а затем и опознанного общего интереса,

с) в учении о симпатии, т. е. о том чувстве радости или горя, которое возникает у каждого, кто взирает на выражение радости или горя у других людей или кто живо представляет себе причины таких состояний, в учении о привычках и т. п.» [8, л. 37–38].

Лаппо-Данилевский также предлагает сравнить взгляды Д. Юма с «теорией моральных чувств» А. Смита (1759) и с «аналитическим изучением начал эгоизма» в его же «Исследованиях о природе и причинах благосостояния народов» (1776). «Т[аким] о[бразом], — заключает Лаппо-Данилевский, — Юм способствовал последующему научно-философскому, научно-эмпирическому (позитивному — у Конта) и даже преимущественно научно-психологическому трактованию психологии» [8, л. 38].

Появление социологии во многом было обусловлено господством во Франции научного мировоззрения, которое, в свою очередь, стало следствием усвоения идей английского эмпиризма. «Влияние английского эмпиризма еще более обособляет Францию от Германии. В то время как в Германии преимущественно царила догматическая философия (Вольф), а затем и идеалистическая философия, плоды которой

обнаружились значительно *позднее* (Кант, Фихте, Гегель †1831), во Франции философия попала в подчинение *науке*, получившей весьма значительное *развитие* в XVIII и нач[але] XIX в.» [8, л. 39]. Французские ученые внесли большой вклад в развитие математики (Лагранж, Лежандр, Лаплас, Монж) и естествознания (Ампер, Бюффон, Биша, Кабанис, Кювье, Лавуазье).

Успехи точных наук сказались и на разработке вопросов социальных наук. Примером влияния естествознания на социальные науки может служить творчество Кондорсе, автора трактатов «Рассуждения о применении анализа к оценке выборов большинством голосов» (1785) и «Общая картина науки, которая относится к применению исчисления к нравственным и политическим наукам» (1795). Кондорсе еще в большей степени, чем Вольтер, стремился приложить «чисто научные» принципы и методы к изучению явлений социальной жизни, в частности «исчисление вероятностей к исследованию исторических фактов», что позволяло оценить роль и значение народных масс в истории [7, с. 115]. «Кондорсе, — говорит Лаппо-Данилевский, — попытался приложить *математич[ескую]* теорию вероятностей к определению степени вероятности, с какою можно ожидать то, а не иное решение, принятое большинством голосов... Кондорсе намечает начала *статистического* наблюдения... и показывает, каким образом *математика* может быть приложена к учению о *ценности*, ценах и других проявлениях хозяйственной жизни» [8, л. 39–40]. Лаппо-Данилевский указывал на попытку Кондорсе дать более точную формулировку «теории прогресса», выявить стадии или эпохи исторического развития «гипотетического народа», отмечал уверенность французского ученого в существовании постоянных законов человеческого совершенствования, которые позволят предсказывать будущие судьбы народов и в конечном итоге «водворить истинное совершенствование человека» [7, с. 116–117]. Однако в целом вклад Кондорсе Лаппо-Данилевский оценивал несколько скептически: «Постановка проблемы и выводы, сделанные Кондорсе, были исправлены Лапласом и другими учеными, но все же сомнительны» [8, л. 41].

Обращаясь к творчеству других французских мыслителей, Лаппо-Данилевский пишет: «Французские просветители (Дидро, Гольбах, Гельвеций и др.) стремились внести методы и выводы *естествознания* в область “наук о духе”».

Монтескье, Тюрго, Кондорсе все были порядочно знакомы с *точными*, преимущественно *естественными* науками.

Т[аким] о[бразом] в то время, как в *Германии* особенно интересовались *философией культуры* (Гердер и др.), во *Франции* стали интересоваться *научным* построением социальной жизни, вслед за тем получившим название *социологии*» [8, л. 41–42].

В материалах к лекционному курсу практически нет записей о Ш. Л. Монтескье. Лаппо-Данилевский отсылает здесь к своим публикациям. Например, в «Методологии истории» он отмечал, что Монтескье уже подходил к изучению истории с «обобщающей социологической точки зрения» [7, с. 108–109]. Не чуждаясь рационализма Декарта, он «переходил к научному эмпиризму» [7, с. 109]. Рационализм Монтескье, в частности, сказался в понимании им законов. Однако поиски причин явлений приводили его к «научно-эмпирическим обобщениям исторических фактов» [7, с. 110]. Подробнее всего Лаппо-Данилевский останавливался на анализе «Духа законов» Монтескье. «Вообще, — заключает Лаппо-Данилевский, — Монтескье очень много сделал для выяснения общих “моральных” и физических причин, влияющих на

государственный строй и на его законы, но слишком мало остановился на рассмотрении “частных” или индивидуальных причин, объясняющих характерные особенности того, а не иного исторически сложившегося конкретного государства и его законодательства; он рассуждал о добродетели, чести, торговле, земледелии и т. п. как о своего рода сущностях или самостоятельно действующих силах и довольно пренебрежительно относился к их индивидуальным носителям и к их воздействию на исторический процесс; он стремился построить скорее типы человеческих отношений, отвлекая от действительности черты, общие известным ему государствам, чем их историческое развитие» [7, с. 112].

Французскими просветителями была сформулирована идея прогресса, воспринятая впоследствии позитивизмом и наследованная социологией. Лаппо-Данилевский считает, что впервые идею «о непрерывном прогрессе человечества» сформулировал Ш. Перро «в знаменитом споре о том, кто имеет преимущество: древние ли писатели или современные» [8, л. 43]. Однако значительное признание идея прогресса получила благодаря Тюрго, во взглядах которого Лаппо-Данилевский видел «склонность к сенсуализму» [7, с. 114]. Возможность прогресса заложена в способности человеческих поколений к совершенствованию, обнаруживающемуся главным образом «в процессе умственной жизни людей» [7, с. 115]. По словам Лаппо-Данилевского,

«Тюрго пошел дальше Монтескье:

а) он полагал, что климат не прямо, а посредственно действует на человека, и с такой т[очки] зр[ения] критиковал Монтескье.

б) он впервые наметил элементы социальной статистики и динамики.

1) (Статика)

Consensus universel (взаимозависимость) между наукой, искусством, управлением, нравами, моралью, религией.

2) (Динамика). Зачатки теории развития:

Человечество в общем, благодаря связи поколений между собою, постоянно, хотя медленно и не всюду равномерно, совершенствуется. Совершенствование его сводится гл[авным] об[разом] к совершенствованию в умственном отношении, оно проходит три стадии» [8, л. 45].

В теории Тюрго уже содержалось и учение о «трех стадиях», впоследствии развитое О. Контом. Теологическая, метафизическая и позитивная стадии — это характеристики интеллектуального прогресса, оказывающего влияние и на состояния культурной жизни (охотничье, пастушеское и земледельческое). Лаппо-Данилевский следующим образом излагает теорию Тюрго:

«1) В древнейшее время человек, естественно, предполагал, что разумные невидимые и подобные ему существа производят явления; “все, что случалось без участия в нем людей, стало возводиться к деятельности божества; страх перед ним или надежда вскоре породили поклонение ему; и так как боги казались людьми, только более могущественными и более совершенными, чем человек, последний придумал такой культ, который имел в виду таких людей”.

2) “После того, однако, как философы признали нелепость (absurdite) таких башен, но еще не приобрели знаний в области естественной истории, они придума-

ли объяснять причины явлений отвлеченными выражениями, вроде: “сущности” и “способности”, выражениями, которые, однако, ничего не объясняли, но о которых рассуждали, как если бы они были сущностями, новыми божествами, заменившими старые...”

3) “Лишь значительно позднее, наблюдая *механическое* действие, какое тела оказывают друг на друга, люди, на основании этой механики, пришли к другим гипотезам, которые *математика* могла развить, а *опыт* — проверить” [8, л. 46].

Лаппо-Данилевский полагал, что «Кондорсе *строже Тюрго* развил некоторые из основоположений соц[иальной] статики и динамики:

1) Consensus universel — между наукой и *практикой* и т. п., между различными науками.

Конд[орсе] даже скорее указывает на *взаимное действие наук друг на друга*, а не на одностороннюю их зависимость, признанную О. К[онт]ом.

2) Конд[орсе] “впервые”, пользуясь *фикцией* об одном народе, к жизни которого следует относить все последовательные моменты развития... в жизни различных народов, ясно установил понятие о *непрерывном* развитии, *поскольку* оно сказывается в *социальном прогрессе человечества* (la progression sociale de l’humanité), и придал ему *первенствующее* значение (ср. отношение статики О. К[онт]а к его динамике).

Изображение этого прогресса у Конд[орсе], однако, неправильно; он слишком строго и пристрастно смотрит на прошлое, не указав на *относительную* прогрессивность *каждого* из его моментов. Он в основу периодизации ставит крупные явления *разного* порядка (то научн[ые], то экон[омические], то политич[еские]); он начинает новый период — A. Comte.

Этот *медленный, но верный* прогресс *беспределен* в том смысле, что представляет *бесконечный* ряд усовершенствований, предел которых нам неизвестен; вопрос о том, окажется ли этот предел *более какой угодно большой величины*, остается, однако, открытым.

О[гюст] К[онт] склонялся даже к мысли, что такой очерк, по крайней мере, относительно некоторых эволюционных серий, имеет *конечные пределы*.

3) Первенствующее значение в соц[иальном] прогрессе человечества Конд[орсе] придавал “*lumière*” (встречается “la lumière des sciences”); прогресс этих *lumière* *влечет за собою* и прогресс всех остальных явлений соц[иальной] жизни.

4) Едва ли не *впервые* Конд[орсе] *сознательно* попытался *научным* образом, т. е. на основании добытых наукою *общих законов* (lois générales), *предсказать будущее* человечества на основании его прошлого» [8, л. 47–48].

Великая французская революция 1789 г. и вызванные ею события сделали изучение общества настоятельной практической потребностью. Лаппо-Данилевский связывал революционные события в том числе с потребностью в «социальной организации».

Последним мыслителем, которого Лаппо-Данилевский называет в своем курсе в числе предшественников социологии, был А. Сен-Симон. Этот философ, по мнению русского ученого, был не столько теоретиком, «сколько находился под влиянием практической потребности в соц[иальной] реорганизации» [8, л. 49]. Лаппо-Данилевский приводит основные идеи А. Сен-Симона, имевшие значение для социологии:

«1) Философия и наука должны служить *средствами* социальной реорганизации, обновление науки должно предшествовать обновлению общества. В частности, С[ен]-С[имон] полагал, что можно сделать *мораль и политику позитивными науками*, что надо образовать новую “*политику*”, “*устанавливающую общие законы*”, и привести их к одному закону. С[ен]-С[имон] говорил: “для того, чтобы сделать что-либо великое, надо быть *страстным*”; Конт о С[ен]-С[имоне:] “*nature beaucoup plus active que spéculative*”; он и был страстным поклонником *научного* прогресса и восторженным приверженцем *революции*.

С[ен]-С[имон] признавал, что *развитие* (développement) человечества — едино и неизменно; благодаря новым открытиям можно узнать *все предшествующие* состояния между *дикарем* и европейцем. Настоящий закон — есть закон прогресса.

(влияние франц[узской] философии?) В своем *умственном* развитии человечество проходит три стадии (закон трех состояний) — теологическую, метафизическую (конституционализм) и позитивную.

(влияние Фергюссона?) В своем *материальном* развитии человечество переходит от военного быта к индустриальному: военные общества сменяются индустриальными.

Пользуясь такими законами, можно выводить из них *дальнейшие последствия* (т. е. *предсказывать* будущее), что также имеет *практическое* значение.

2) С 1815 до 1825 (†19 мая 1825) С[ен]-С[имон] отказывается от мысли, что обновление науки должно предшествовать *соц[иальному]* обновлению: *последнее должно идти рядом*.

а) Социальное обновление он сперва считает возможным путем *возвышения заправил индустриального строя* (банкиров и проч.) над представителями *феодалного* сословия и в таком смысле рекомендует *развитие индустриализма*.

б) Позднее он стремится к социальному обновлению путем водворения *начала братства* в самом индустриализме, для чего прибегает к *религиозно-филантропической* проповеди “*нового христианства*”, с обновленной моралью, а не одной только пропаганды улучшения быта рабочих на началах “*ассоциации*”» [8, л. 49–51].

Находясь под влиянием идей Просвещения, в частности разделяя основные идеи механистического мировоззрения, А. Сен-Симон пытался построить «социальную физику», признавал преобладающее значение разума в социальной жизни, веря в прогресс, приближался к формулированию теории трех стадий в истории развития человечества. Тем не менее в целом Лаппо-Данилевский оценивал взгляды А. Сен-Симона скептически, характеризуя их как «довольно беспорядочные искажения» [7, с. 139–140]. Положительное значение французского мыслителя, безусловно, состояло в том, что он ближе всего подошел к формулированию новой положительной науки об обществе — социологии, основателем которой выступил его секретарь и друг О. Конт, которому был посвящен следующий раздел лекционного курса.

Краткий обзор, предпринятый Лаппо-Данилевским, позволяет обозначить те философские и научные идеи, методы и принципы, которые были восприняты социологией и получили дальнейшее развитие в положительной науке об обществе. Тот ход мысли, который привел к появлению социологии, русский ученый обозначал как «*номотетическое направление*». Истоки позитивизма Лаппо-Данилевский видел прежде всего в предшествовавших ему философских концепциях, в идеях века Про-

свещения и новоевропейской философии, а не в политических событиях и социальных потрясениях. Курс Лаппо-Данилевского по социологии, как и подготавливавшаяся в те же годы новая редакция «Методологи истории», создавался в большей степени в жанре истории идей или истории философских учений.

Литература

1. *Ростовцев Е. А., Потехина И. П.* А. С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве // *Клио*. 2013. № 12. С. 23–28.
2. *Козловский В. В.* От методологии истории к исторической метасоциологии: уроки А. С. Лаппо-Данилевского // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. XVI, № 3. С. 5–7.
3. *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИ, 2004. 352 с.
4. *Малинов А. В.* А. С. Лаппо-Данилевский — организатор социологической науки в России // *Клио*. 2013. № 12. С. 102–104.
5. *Малинов А. В.* А. С. Лаппо-Данилевский — первый председатель Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. XVI, № 3. С. 8–16.
6. *Малинов А. В.* «Рассадник насущных знаний» (деятельность А. С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. XVI, № 3. С. 17–28.
7. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Пг.: [Б. и.]; отпечатано по решению АН в Российской государственной академической типографии, 1923. 278 с.
8. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344.
9. *Секацкая М. А.* Res cogitans и Res extensa: проблема свободы. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 208 с.

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2014 г.